

Анатолий Агарков

Случай со студенткой

Обстоятельства в такой же
мере творят людей, в какой
люди творят обстоятельства

Анатолий Агарков
Случай со студенткой

«Издательские решения»

Агарков А.

Случай со студенткой / А. Агарков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907062-3

Жуткие истории придумывает жизнь. Возьми любую — если не распутана, становится страшной тайной, влияющей на судьбы окружающих людей. Этот случай с дочерью друга моего отца так запугал последнего, что он не отпустил учиться в город мою старшую сестру — осталась она без высшего образования. А когда я придумал и написал свою версию событий — все встало сразу на свои места.

ISBN 978-5-44-907062-3

© Агарков А.
© Издательские решения

Случай со студенткой

Анатолий Агарков

*Обстоятельства в такой же мере творят людей,
в какой люди творят обстоятельства.*
(К. Маркс и Ф. Энгельс)

© Анатолий Агарков, 2018

ISBN 978-5-4490-7062-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Зимний вечер. На западе догорал и не мог догореть печальный закат. Наконец стемнело. Нагрянул незванный гость – северный ветер, закружил метель на пустынной улице. Вороха снега полетели вдоль домов, поползли позёмкой по тротуарам, сумасшедшие пляски затеяли под качающимися фонарями. Засыпало крыши и окна, за рекой метель бушевала в стонущем парке.

По улице шёл человек, подняв ворот длинного пальто и согнувшись навстречу ветру. Тёплый шарф плескался за его спиной, ноги шаркали и скользили, лицо секло снегом. Окна одноэтажных домов, закрытые ставнями, казались нежилыми – нигде не пробивался лучик света. А из этого, старого, добротной кирпичной кладки особняка через лёгкие занавески щедро лился свет на тротуар и заснеженную дорогу.

К нему и свернул человек.

У стены спинкой к окну стояла кровать. На ней поверх одеяла лежала девушка в опрятном ситцевом платье с книгой в руках. Она читала, шевеля губами. Усталое и милое лицо её не выражало интереса, глаза были равнодушные, синие с поволокой. Она опустила книгу на грудь, завела прядь волнистых волос за ухо и взглянула на подруг.

Девчата наряжались в театр и весело щебетали.

– Так то ж не танцы – кто в театрах-то знакомится?

– Ну и что! Думаешь, туда парни не ходят? Ходят, да ещё какие – интеллигентные.

– Ну и о чём, Зинуля, ты будешь с ними говорить?

– А я скажу: здрастье, мне девятнадцать лет, я – студентка, пою, танцую, играю на гитаре – давайте дружить,

И запела:

– Ах, водевиль, водевиль, водевиль...!

Её подруга Вера, босоногая, в одной шёлковой сорочке, присела в жеманном реверансе перед зеркалом, заговорила в нос и картаво:

– Театр? Ах, как это несовременно, господа. Там актёры со скукой и отвращением смотрят в зал пустыми глазами и прямо на сцене пьют водку....

– Кто это сказал?

– Читала....

Девчата хохочут, снуют по комнатам, заканчивая сборы. По оконным занавескам мечутся их тени.

– Ты, Людочка, не скучай – мы скоро придём. Крепко не спи и не забудь лекарство перед сном.

У девушки с книгой на ресницах выступили слёзы. Она смахнула их украдкой, легла на бок, подперев рукой щёку. Молчала и слушала.

– Бойкая ты, Зинка, – говорила Вера, зажав шпильки в зубах. – А вдруг нарвёшься на какого-нибудь маньяка-убийцу?

– Мой час ещё далёк – отметка не сделана. А умирать пора придёт, всё равно не отвертись: муха крылышком заденет – хлоп и помер.

Чайник закипел на электроплитке. Люда сняла его и опять легла. Уже давно ей чудился какой-то шорох за окном. Было так грустно и весело смотреть на девчонок, что не вслушивалась, думала – вьюга. Но тут явственно услышала – скрипнул снег под чьими-то ногами. Девушка быстро откинула угол занавески и прильнула к стеклу. Под перекрещивающимся светом из дома и от уличного фонаря прямо под окном увидела Люда седого большелобого старика, без шапки, в длинном пальто. Он стоял, вытянув шею, и глядел на неё. Она вздрогнула от неожиданности.

– Вам что здесь надо? – спросила она через стекло.

Старик ещё вытянул шею, стоял и смотрел на неё. Потом погрозил ей указательным пальцем сухой руки без варежки. Люда отпрянула от окна, задёрнув занавеску. Сердце её отчаянно билось. Заскрипел снег за окном – звук шагов удалялся.

– Ты что? Ты с кем там? – не отрываясь от своих дел, спросили девчонки.

– Испугалась, – ответила Люда. – Старик какой-то под окном ходит без шапки, пальцем погрозил. Девчонки, как вы пойдёте? Вдруг он вас заловит.

– Это не ходить, что старик какой-то пальцем погрозил? – Зинка задиристо вздёрнула брови.

– На несчастье он погрозил, – тихо сказала Люда.

– Брось, Людка. Онанист какой-нибудь в окна заглядывает. Вот мы его с Веркой в сугроб толкнём, – сказала Зина, подходя к окну.

Люда отвернулась, по щекам её текли слёзы. Вера присела к ней на кровать, погладила колено, потом дёрнула занавеску.

– Видишь, дурёха, никого нет. Фокус-покус – смойся с глаз.

За окном ветер разорвал снежные облака, в бездомном чёрном небе засверкали звёзды.

Дом номер шестьдесят три по улице Набережной был разделён на две половины кирпичною кладкой в дверном проёме. В одной его части жила хозяйка – высокая, костлявая старуха, с суровым замкнутым лицом, с тонкими плотно сжатыми губами и глубоко запавшими, в тёмных обводах, глазами. Весь её вид говорил – ох, сколько же я пережила на своём веку, и совсем в душе моей не осталось ни мягкости, ни душевности, ни теплоты. Соседи считали старуху злощей и твёрдой, как кремень.

Другая половина уже много лет сдавалась жильцам. Сейчас там квартировали три девушки – студентки Троицкого зооветеринарного института.

В тот памятный зимний вечер в гостях у хозяйки был некий старик. Его узкое лицо словно вырезано из старого дерева, сухого растрескавшегося, в тёмных провалах глазниц, будто колючки притаились, щёки впалые, глубокие вертикальные морщины бороздили их, редкие седые волосы по краям выпуклого лба едва прикрывали бледные, с синими прожилками виски, на худой, морщинистой шее тоненькая цепочка уходит куда-то под старую фланелевую рубаху.

За окном свистит и гуляет ветер, за окном ничто не мешает ему разбойничать, а в маленькой кухоньке тепло и уютно. Старики пьют, обжигаясь, душистый чай и ведут неторопливую беседу.

– Добротню, добротню раньше строили дома, – говорил гость, шумно отхлёбывая с блюдечка. – Сколько уж лет обители вашей?

– И – и – и, не помню уже, – хозяйка провела тонкой, высохшей, почти прозрачной рукой по лбу. – Много. Вы всегда прямо как снег на голову. А позовёшь, думала, и не дождёшься.

– Не только по своей воле, братья послали, – старик достал огромный белый платок и трубно высморкался, потом вытер раскрасневшуюся шею и закончил помолодевшим голосом. – Удостовериться.

Старуха укоризненно посмотрела на него и покачала головой:

- В наши ли годы безголовым на двор выходить?
- А я не просто на двор выходил, я соседушек ваших смотрел. Они перекинулись понимающими взглядами.
- Видел, батюшка?
- Видел, сестрица.

Хозяйка, сопя, полезла на лавку, из каких-то закутков извлекла старую, рассыпающуюся книжонку, стянутую тонким резиновым колечком. Сняв его, старуха разложила книжонку на столе перед собой. Некоторые из замусолиных страничек приходится даже не перелистывать, а перекладывать. Видно, что пользуются ею с незапамятных времён. На листочках неровными каракулями записаны то ли чьи-то фамилии, то ли стихи, то ли молитвы.

- Старуха нашла меж страниц фотографию, присмотревшись, протянула гостю:
- Эту?

Девушка совсем молоденькая, лет восемнадцати не больше. Лицо открытое и славное, вздёрнутый носик, маленький рот с пухлыми губами, большие глаза удивлённо смотрят в объектив.

- Кажись, она, круглолицая, – кивнул гость.

И продолжил:

– Не просто это, сестра, человека порешить. Ножом убить не просто, а уж духом извести – против естества это. Может Ему одному и под силу или первым ученикам его. Ты как совладаешь?

Старуха молчит, не спешит с ответом, смотрит куда-то в сторону. Потом цедит сквозь зубы:

- Не подъезжай, батюшка, ничего не скажу. Сам увидишь.
- А скоро ли?

За окном хлопает дверь, слышны задорные голоса, смех, весело скрипит снег.

– Ну вот, ушли, – сказала хозяйка, прислушиваясь. – Допьём чаёк да приступим – чего волынить.

Они пьют чай молча, сосредоточенно.

Проходит полчаса.

Старуха убирает со стола, вытирает насухо. Открывает печную заслонку, ворошит в голландке кочергой, неловко ставит её в угол, и она падает с громким стуком.

- Руки-крюки, – ругается старуха, – оторвать не жалко.

Она садится за стол, кладёт перед собой Людмилину фотографию. Меж пальцами зажата большая «цыганская» игла. Лицо хозяйки напряглось, взгляд вонзился в фотографию, руки медленно рисуют круги над столом.

Проходит некоторое время. Движения рук становятся исступлёнными, мелкие судороги дёргают лицо, до неузнаваемости преображают его гримасы. Губы шелестят, шелестят, старуха что-то шепчет – не разобрать. В уголках рта появляются и лопаются белые пузырьки.

В фотографию девушки вонзается игла, пригвоздив её к столу.

Голос старухи прорезается:

- Сейчас безумная боль гоняет её по комнатам, не даёт места...

Безумный вид у самой ворожеи: губы трясутся, в распахнутых глазах горят нечеловеческая злоба и каменная решимость. Движения её рук порывистые, энергичные. Судороги беспрерывно дёргают и изменяют её лицо.

- Она готова разбить себе голову....

Меж трясущихся пальцев каким-то чудом появляется суконная нить. Петля захлёстывает иглу и затягивается.

За стеной приглушённо вскрикнули.

Старик вздрагивает всем телом, привстаёт, пятясь от стола, не отрывая заворожённого взгляда от иглы, петли и крючковатых дрожащих пальцев хозяйки. Неподдельный страх отражается в его глазах. Он зримо чувствует, как затягивается петля на молодой шее и давит, давит, принося освобождение от пронзительной боли.

– Всё...!

Старуха откинулась на спинку стула и, кажется, лишилась сознания. Глаза её закрыты, на лице ни кровинки, из-под чёрных запёкшихся губ прорывается стон.

В доме воцарилась гнетущая тишина. Где-то по соседству завывала собака.

Подружки возвращались поздно. Морозило. Дорога от театра к дому, на окраину, казалась вечностью. Они спотыкались на обледенелых тротуарах, с трудом пробирались на занесённых перекрёстках. Казалось, конца не будет страшным тёмным улицам с глухими заборами, холодными глазницами окон.

Наконец, когда увидели свой дом, светящий окнами, будто корабль, причаливший к берегу, они побежали, взявшись за руки, оставляя за спиной все свои страхи и радуясь ждущему теплу и бесконечным рассказам о виденном.

Трель звонка гулко донеслась через запертую дверь. И не сразу, а может после пятого или десятого нажатия на скользкую кнопку, звук его стал казаться незнакомым, странным, раздающимся будто в пустом доме.

– Люда! Людка! Открой, засоня!

Девчата молотили в дверь до боли в костяшках пальцах, стучали в стекла и оконные переплёты. Отчаявшись, поскреблись к хозяйке. Старуха им не открыла, а через дверь прокаркала, что нечего шляться по ночам, и она, наверное, им откажет от места.

– Ой, Зинка, надо милицию вызывать – чует моё сердце, что-то с ней неладное.

Вера плакала от холода и страха и вытирала варежкой слёзы.

Помощник дежурного по городу старшина Возвышаев был неутомимым оптимистом. На его круглощёком, пышущим здоровьем лице всегда сияла солнечная улыбка, по любому поводу и в любой обстановке он мог искренне расхохотаться. Казалось, в жизни старшины были одни только радости и никаких огорчений и неудач.

Жёлтый «уазик» ещё не остановился, а Возвышаев уже открыл дверцу, белозубо улыбаясь, восхищённо присвистнул:

– Та-акие девушки и на морозе!

Но, приглядевшись, сменил тон:

– В чём дело? В дом попасть не можете? Это дело поправимое – стоит ли слёзы лить. Зашли б куда, что ж вы, как сиротки, на морозе....

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.